

О риске свободы в безопасности (Что модернизировать в России: запреты «безопасности» или разрешение «свободы»?)

К.Б. Пуликовский, канд. техн. наук

А.И. Гражданкин, канд. техн. наук

ЗАО «Научно-технический центр промышленной безопасности», г. Москва

e-mail: gra@safety.ru

Ключевые слова:

безопасность,
свобода и безопасность,
регулирование безопасности,
технические регламенты,
нормы и требования безопасности,
риск,
промышленные аварии,
безопасность в техносфере.

Рассмотрена проблема соотношения разрешений и запретов в регулировании безопасности сложных социо-технических систем, на примере обеспечения промышленной безопасности опасных производственных объектов. Показана контрпродуктивность имитационного заимствования постмодернистских зарубежных подходов для обеспечения безопасности техносферы. Почему и от чего «отстали» отечественные нормы и правила промышленной безопасности, как их привести в соответствие с состоянием российской промышленности? Обсуждаются возможные долгосрочные результаты реформы технического регулирования по замещению традиционных требований безопасности постиндустриальным «управлением рисками». Безопасность всегда консервативна, но это не повод ее отрицать при планировании благополучного постиндустриального будущего страны. Понимание этого постепенно приходит в российское общество.

1. Введение в проблему

В последнее время в сообществе промышленников и специалистов по безопасности вновь возникла дискуссия о соотношении, сопряжении и сближении современных и традиционных способов обеспечения промышленной безопасности на опасных производственных объектах. Едкий дым затянувшейся реформы технического регулирования понемногу рассеивается, и становится все более заметен трагический огонь крупных промышленных аварий, поразивших индустриальную Россию в начале XXI в. (Ульяновская-2007, Саяно-Шушенская-2009, Распадская-2010, Кольская-2011, Воркутинская-2013). О чем сигнализируют такие аварии,

почему от них не уберегли доставшиеся от прошлого требования безопасности, как обезопасить промышленную Россию в будущем?

Большинство споров по этим нериторическим вопросам во многом сводятся к проблеме — «свобода или безопасность». Понятия свободы и безопасности — не какие-то взятые абсолюты. Каждое из них наполняется оригинальным, «текущим» смыслом современной технической и производственной культуры. В изучении и разъяснении хрупкости и относительности, в поиске динамического, согласованного, модернизированного баланса безопасности и свободы видятся историческая ответственность и профессиональная обязан-

¹ От редакции. Статья носит дискуссионный характер и отражает личное мнение авторов о тенденциях модернизации регулирования промышленной безопасности в России. Как модернизировать регулирование безопасности — постепенно и последовательно, сохраняя важное из прошлого опыта, или решительно и бескомпромиссно, т.е. для созидания инвестиционного климата пожертвовать традиционными подходами в нормировании безопасности и устранить барьеры безопасности для быстрого восстановления и развития отечественного производства. Приглашаем читателей к дискуссии на страницах журнала по затронутой в статье проблеме.

ность сообщества специалистов по промышленной безопасности.

В таком сложном и актуальном для всех вопросе без широкой общественно-научной дискуссии не обойтись. А чтобы она была плодотворной и не скатилась к идеологизированным штампам типа «рынок или план» и «иного не дано», необходимо оговорить терминологический контекст обсуждения. Утвердить или насадить какие-то замкнутые жесткие определения о свободе и безопасности вряд ли удастся. Всегда найдутся умелые спорщики, которые быстро проковыряют дыры «свободы» в «безопасности». И вырвавшийся ветер свободы с новой силой закрутит призраки мельниц, перетирающих споры о виртуальных сущностях, например, «свобода в опасности» или «безопасность в свободе»? Но время сражений с ветряными мельницами уже упущено. Индустриальная Россия столкнулась с вполне реальной проблемой крупных промышленных аварий, а значит, прошлые дискуссии оказались не о том или вовсе схоластическими. Пожертвуем красотой спора и попробуем самыми грубыми мазками обозначить контекст обсуждения проблематики «безопасность или свобода». Для примера возьмем обеспечение промышленной безопасности на опасных производственных объектах, которые составляют производственный базис современной экономики России.

2. О ценностях свободы и безопасности

На общей дискуссионной площадке потребуются некоторые вводные представления. Начнем со *свободы*. У любого человека есть ощущение свободы, а в обществе, в народе, в стране вырабатываются уникальные исторически-изменчивые коллективные представления о свободе. Они бесценны, о них написано море литературы, и мы оставляем их «как есть». Заметим только, что обычно различают «свободу для» и «свободу от» (в английском языке «freedom» и «liberty»). В новой России выражен крен к последнему. Хотя и накрыла с головой «российский корабль» неолиберальная волна, но не утопила безопасность, рано или поздно она схлынет, а безопасно плыть придется и дальше. Чтобы впредь быть готовым к таким штормам, важно обсудить социокультурный феномен, когда и почему «свобода для» безопасности перевоплотилась в опасную «свободу от» безопасности.

Очень кратко о *безопасности*. Для человека в отличие от животных безопасность не только инстинкт самосохранения, но и гораздо в большей степени мужество противления страху, как предвестнику зла. Безопасность в социо-технических системах — это укрощение угроз в настоящем и окультуривание будущих опасностей. Специалисты часто так и го-

ворят: культура безопасности, культурные нормы и т.д. Этот вопрос все чаще включается в повестку дня промышленной безопасности. Очень скоро мы услышим, что в исторической России была и есть ущербная культура безопасности. А так жить нельзя, поэтому смените свой «культурный код», а то останетесь «верхней вольтой с ядерной бомбой», иного не дано. Все это идеологическая шелуха, но отделаться от нее будет не так просто. Культура — не махровый халат свободолюбивого поэта, а безопасность — не кольчуга храбреца и не тигровая шкура трусливого витязя. Да и быстро заменить их «платами из бутика» не получится.

В самом общем смысле *культура* — это *нормы и традиции*, а нормативные запреты и традиционные ограничения — консервативная суть *безопасности*, и понятия эти *сопоставительные*. Когда говорят о культуре (о нормах и традициях безопасности), то главное внимание обращают не на сходства, а на *различия* в сложившейся системе принятия и исполнения норм (как писанных, так и неписанных, но принимаемых, освоенных). Нормы не только задают внешние ограничения любой деятельности (как делать нельзя — внешние запреты), но и формируют ее оригинальную структуру (как делать желательно — внутренние разрешения, традиционные способы деятельности). Требования промышленной безопасности — один из видов «непреступаемых» норм производственной деятельности, буквально выстраданных в отечественной технической культуре. Вследствие характерной «жесткости» требований промышленной безопасности («записаны кровью»), их изменения очень важны для понимания состояния и перспектив развития именно российской технической и производственной культуры.

Отечественная промышленность возникла и развивалась в уникальных неповторимых условиях: в младенчестве «сбежала» из колыбели западного индустриализма, набила и получила свои шишки и травмы в индустриализации и урбанизации середины прошлого века. Сам ли сбежал российский индустриал-младенец, его подменили, выпал из люльки или был украден — не так важно, не будем спорить. Главное, что воспитание получил, покинув «наш общий европейский дом», и промышленных результатов достиг вне «столбовой дороги цивилизации». Здесь еще раз отметим принципиальную *оппозиционность* понятия о культуре, т.е. важность поиска *отличий* норм, выработанных в разных странах, а не первоначально бросающихся в глаза сходств. Все страны в чем-то похожи, но важнее различия, пусть и вроде бы незначительные. В пределе, если бы сходство культур было полным, то на земле была бы одна страна — «культурная смерть человечества».

В период реформ 1990-х промышленная Россия стала вползать в глобальную периферийную экономику. Кто-то считает это российском тупиком, кто-то — глобальным прорывом. Тех, кто искренне желают нам такой судьбы, в России сегодня немного, но они внешне достаточны и не нуждаются в дискуссиях. Обсуждение и поиск выхода нужны большинству наших соотечественников.

Дискуссий о прекрасном (или ужасном) экономическом будущем много, но удовлетворительных результатов пока нет. Искать выход можно и нужно не только на лицевой стороне медали «За эффективность конкурентоспособного производства». Не менее (а возможно, и более) важны знания о неприятной изнанке — о промышленных опасностях (их генезисе, состоянии и динамике). Опасности тоже многое говорят о будущем — «молчанием» о его темной стороне. Такое скорбное «молчание» с предупреждением из прошлого каждый сегодня можем прочесть в нормах безопасности, — и буквально, и между строк.

В запале реформы технического регулирования, во многом по незнанию, начали крушить «безмолвные» правила безопасного поведения в техносфере и промышленности. Посыпались риторические вопросы с готовыми ответами «разумной достаточности»: а зачем эти правила нужны? Старье, тормозящее экономический рост, чего их жалеть? Зачем вообще контролировать вибрацию на турбинах, ведь крутятся, и т.д. и т.п.

Радость от временного выигрыша в *экономической эффективности* была недолгой. Каких-то огромных барышей из промышленной безопасности не выжмешь, так как ее состояние сегодня определяется в большинстве тем, что было вложено в опасные объекты на стадии проектирования и строительства в дореформенную эпоху. Сегодня сэкономил копейку на обеспечении (не создании и не созидании!) безопасности, завтра жди беды «на доллар».

Прописные истины, выстраданные нормы безопасности в новые техрегламенты как-то не особо вписались, но, главное: перестали «ревностно» исполняться (во многом не понятно, как выполнить вновь узаконенное). Вместе с сиюминутно-эффективным прекращением адекватного обслуживания людских и материальных ресурсов и основных фондов опасных производств неожиданно был получен «побочный эффект» — крупные промышленные аварии. Это неприятное недоразумение быстро «как бы» забывается — и вообще, не промышленно-предпринимательское это дело, пускай государство окажет после аварии услугу «одного окна»: спасает, восстанавливает, строит, наказывает.

И безопасность в промышленности, и экономическая эффективность производства — важнейшие

ценности всякой современной жизнеспособной культуры безопасного производства. Без их благодатных плодов большинству в промышленно развитой стране уже не обойтись, — на дворе пока век индустриализма (пусть и в кризисе перехода в постиндустриализм).

В том-то и загвоздка, что высшие ценности не только несравнимы и несопоставимы (ведь так и говорят — «бесценны»), но зачастую и взаимно исключают и даже «уничтожают» друг друга. А с ослабленными ценностями страдают и деградируют все — и «предприниматели» (как носители Свободы) и «государственники» (как носители Безопасности). В пределе «конкуренция ценностей» ведет к разрушению важнейших норм, которые связывают многое из разрозненного и разобщенного в то ценное, разнообразное и целостное, что «создает» нас и нашу Страну.

Увы, с угасанием Безопасности *производства* не наступает расцвет Свободы *эффективности*, как мечтают некоторые «ущемленные» нормами безопасности. Наступает эффект антиценности Аномии (буквально — безнорменность). Сегодня это уже достаточно хорошо изученное контркультурное явление, когда «старые» нормы порушены или не исполняются, а «новые» еще не созданы или не восприняты: опереться не на что, ориентиры утрачены, наступает «полная» свобода неминуемого и опасного падения. Это время авантюристов и расцвета криминальной свободы, в пределе даже преступникам нечего преступать, расползается свобода беспредела.

Как быть? Возможно, еще будут найдены гениальные и великолепные рецепты сборки системы новых норм в условиях Аномии, можно ждать и надеяться, что все разрешится «само собой», «как-нибудь», «прилетит вдруг волшебник», «невидимая рука» и прочее. Но пока нет нового знания, обычно пользуются традиционным: *кабы знал, где упасть, так бы соломки подстелил* [1].

Мы не знаем, где упадем, но уже знаем, что надо поостеречься. Другими словами: из Аномии нас может вытянуть Безопасность, а далее и без Свободы не обойтись. Да, нормы безопасности обычно грубые, налагают жесткие запреты, «пишутся кровью», формулируют последние вопросы: велика Свобода, а отступать некуда, позади Безопасность. Зато внутри защищенной сферы Безопасности могут и должны развернуться разрешительные нормы Свободы. Сегодня ее часто путают с тенью БезОтветственности.

Аномия особенно наглядно проявляется, когда умами специалистов, пусть и на время, овладевает «понятная и красивая» (упрощенная, однобокая, но приятная) доктрина слома фундамента «застойного» жизнеустройства — реформа по «созданию необратимостей». К сожалению, разрушение стало почти

единственной функцией неореформаторов, а о новом грезят в утопии «Россия — подружка маленькой уютной финансовой Европы». Любые препятствия (те же нормы промышленной безопасности) на пути слома большой «некомфортабельной» индустриальной России объявляются «устарелыми и ненужными». Да, кому-то они действительно не нужны, но таким антииндустриальным маргиналам и Россия не нужна (точнее, нужна «Другая Россия»). Отвечать за навороченное придется не им и даже не молчаливому сегодня большинству. Посеянные семена обезнорменных промышленных опасностей пока только развеиваются «ветром свободы» в подготовленную техрегулированием промышленность, а с сорняками вызревших угроз столкнется будущая постиндустриальная Россия.

Каждое время ставит перед страной свой особый вызов. Так, даже в зрелом индустриализме проявляются новые, неповторимые угрозы для безопасного промышленного развития страны. И ответ нужен свой, его не скопируешь из чужого учебника.

Сегодня все индустриальные культуры, и Россия, и Запад, и Китай, вползают в кризис индустриализма. О его причинах и проявлениях многое уже известно: идея Свободы затоптала Ответственность, идея Прогресса — Память. Выход у всех разный, потому как история (Память, отраженная в Нормах) у всех своя, да и Ответственные (за безопасность и перед свободой, за Родину и пред Отечеством) не везде и не сразу отыщутся.

В России ситуация хуже: кроме общего кризиса индустриализма, у нас поизошел собственный мировоззренческий кризис (Перестройка). В политических целях была принята и активно внедрялась программа прямого заимствования гражданских западных норм для «тупиковой ветви цивилизации». Что из этого получилось на переломе веков, хорошо видно по результатам Перестройки, «шоковой терапии» и последующих перманентных реформ в России. Не наша тема рассматривать и оценивать все реформы. Шаблон у всех них примерно одинаковый и уже хорошо изучен: механистическая имитация некоего воображаемого «цивилизованного образца» и тотальное отрицание других альтернатив из-за смеси страха и невежества реформаторов. Для нашей темы достаточно и плодов реформы технического регулирования.

Накатанные в последние десятилетия имитационные заимствования неких заморских идеалов обходятся России и слишком тяжело (на языке «Безопасности»), и слишком дорого (в терминах «Свободы»). Наглядный для всех пример — ошибочность реформаторской установки о легкости перехода от советской парадигмы «абсолютной безопасности» к

неолиберальной «абсолютной свободе»: как только распустили неумный напор реформ, сразу столкнулись с невиданными трагическими крупными промышленными авариями (Ульяновская-2007, СШГЭС-2009, Распадская-2010, Кольская-2011, Воркутинская-2013). Признание или отрицание этого факта — важный результат реформы для всех, и для противников, и для сторонников. Не нужно пока спорить, что здесь хорошо или противно, — полезнее зафиксировать, что эти подходы принципиально разные, они слабо связаны с воображаемыми «естественным» развитием и «искусственным» прогрессом.

Скорее, наоборот: при переходе от «абсолютной безопасности» к «абсолютной свободе» наблюдался и научный, и технический регресс всей производственной деятельности в переходной России. Все мы надеемся, что это временное явление. Но одной надежды не достаточно, необходима программа выхода из кризиса. (Обычно сначала подробно изучают «вход в кризис», пока здесь мало озвученного.)

Как антикризисная поначалу воспринималась и реформа техрегулирования по гармонизации отечественных норм безопасности с зарубежными. Вопрос о возможности гармонии бывших советских и новых западных норм трудно было даже поставить, не то чтобы получить у реформаторов внятный ответ на него. Авангардом программы широкого исправления «наследия советского прошлого» в сфере обеспечения безопасности в техносфере стала риск-методология по оценке промышленных опасностей. Вокруг «риска» и сегодня ломаются копыя [2].

3. Почему риск свободы для безопасности

Большинство участников прежних дискуссий выступали и продолжают выступать за широкое освоение и внедрение в практику промышленной безопасности современных методов анализа опасностей и оценки риска и других риск-ориентированных подходов [3, 4]. В методическом плане уже во многом преодолены первые наивные представления о «всемогуществе риска», как панацее комфортного, простого и прозрачного решения большинства застарелых проблем безопасности в протехносфере [5]. Но в идеологической плоскости продолжают использовать социо-инженерную технологию «управления риском», как креативную ширму, отодвигающую неизбежность возрастания техногенных опасностей на периферии прогресса от сверкающей витрины гражданской безопасности [6]. Более того, манипуляции идеологов с «теориями риска», как современной технологией «монетизации безопасности» для оправдания безответственности, резко усилились в начале 2010-х.

В новую Россию мода на «избежание избыточных инвестиций» в безопасность пришла в начале 2000-х. Первые публикации были о замене требований пожарной безопасности на расчеты пожарного риска (уж «риск»-то знает всю правду, скрываемую правилами пожарных книжников, он взятку не возьмет и не попросит). Кредо реформаторов звучало приблизительно так: не хотим дыма без огня, гори все синим пламенем пожарного риска « 10^{-6} ». Тогда апогеем риск-предписания стал Пожарный техрегламент 2008 г., основные положения которого о рископаклонничестве к 2012 г. «без шума и пыли» были похоронены².

Но в том же 2012 г. испускаемый дух «всея риска» заполнил сферу промышленной безопасности (как оказалось, дырявую). Неспособность выполнить «отсталые» нормы безопасности монетаристы стали измерять рублями «избыточных инвестиций», попирающими свободу экономической эффективности. Растущие опасности теперь обсчитывают мизерным риском аварий, как и «пожарный риск 10^{-6} ». На промышленное производство стали смотреть, как на карточную игру: на кону от 20 млрд до 1 трлн руб.³ и мизер с дыркой «управление риска» — ах, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Промышленность — не картежный стол. Поэтому пришлось срочно онаучивать теорию и практику «управления риском».

По определению в самой консервативной области знаний о безопасности в красочных обертках стали насаждать радикальные контркультурные представления о приемлемом (для кого?) риске с тотальным отрицанием норм безопасности. Виртуальный «риск» стал «благородным делом» *демодернизации* в промышленной безопасности.

К такой «нефтегазовой атаке» и правила промышленной безопасности, и обслуживающее их профессиональное сообщество оказались не готовы — постреформаторы заслуженно прилепили им ярлык «отсталые». Но контуженные все же смогли организовать оборону и самые одиозные формулировки с «резко ориентированным» отрицанием действующих требований безопасности и заменой их на «компьютерные расчеты индивидуального риска» пока не проникли в действующее законодательство. Лиха беда начало, еще запишут, но будут ли исполнимы — вопрос открытый.

Поток информационной обработки промышленников «риском» был настолько плотный, что любое мнение против, даже легкое сомнение, тут же подвергались остракизму типа «отсталые совки цепляются за коррупцию». В таких условиях диалог возникнуть не мог и тотально пресекался. А большинству нужны не монологи «резко ориентированных» профессиональных идеологов, а широкая дискуссия промышленников и предпринимателей о состоянии промышленной безопасности и о текущих изменениях на карте промышленных опасностей в индустриальной России, а не в Норвегии, США или Китае.

Мало кто отрицает важность и ценность накопленного фонда знаний о промышленных опасностях, записанных в действующих требованиях промышленной безопасности. Никто не спорит, что отдельные действующие нормы промышленной безопасности требуют дополнений и даже пересмотра, ведь за последние годы произошло немало уникальных аварий, буквально выплеснувших трагическое новое знание о промышленных опасностях. (Здесь красноречив пример Акта о техническом расследовании причин аварии на СШГЭС-2009.)

Другой вопрос, что оживление и развитие производства может в некоторых случаях чрезмерно сдерживаться частью утратившими актуальность требованиями, — ведь правила безопасности нуждаются в не меньшем обслуживании, чем оберегаемые ими технико-социальные системы. Опытные водители проверяют и обслуживают тормоза пристрастнее акселератора. Вспомним, как в перестройку призывали не ремонтировать, а «сломать механизм торможения».

К сожалению, в годы реформ технического регулирования актуализация правил промышленной безопасности была фактически приостановлена. Вместо научного и практического обслуживания, изменения правил и требований безопасности, проводимых отраслевыми НИИ и надзорными госслужбами, реформаторы предложили вульгарное (и дорогостоящее) заимствование обложечных западных стандартов. Неработоспособность такой перманентно-реформируемой системы гостов и правил безопасности проявилась в невиданных для нашей

² Трудно, будучи в здравом уме, объяснить, почему по Пожтехрегламенту-2008 гибель в пожаре группы людей допускается в десять раз чаще, чем смерть одного индивида.

³ «...Как только мы договоримся, экономия для нашего производства, экономия для нашей экономики будет порядка 20 млрд рублей только за счёт издержек из ежегодно затрачиваемых, по оценкам экспертов, 60 млрд рублей, которые идут на вопросы обеспечения промышленной безопасности. Ну а с появлением новых правил строительства совокупный экономический эффект от обсуждаемых сегодня решений, опять же по подсчётам экспертов, может вылиться в весьма существенную цифру — в районе 1 трлн рублей. Это тот экономический эффект, который, в конечном счёте эти решения могут принести, я уж не говорю о неизмеримых вопросах качества инвестиционного климата...» (Из стенограммы обсуждения с экспертами «Открытого правительства» вопросов промышленной безопасности 16 октября 2012 г.).

индустриальной страны крупных промышленных авариях. Крупная авария — это вершина айсберга техногенных происшествий, поэтому она используется как жесткий показатель состояния производства и ценнейшего из его свойств — безопасности. Сигнал от таких аварий чувствуют все, и у нас, и за рубежом. С каждой «публичной» аварией Россия все более утрачивает тяжело завоеванный статус безопасной индустриальной державы, а без него заклинания об «инвестиционном климате» становятся уже не смешным, а пошлым анекдотом. Сегодня нет готовых рецептов и не видно тривиальных решений для выхода из созданной за годы реформ проблемы — не просто модернизации, а безопасной модернизации российских производств.

Несмотря на микроскопичность положительных для отечественной промышленности результатов регулирования (декларированные его цели об инвестиционном климате забыты и даже не обсуждаются), наблюдается второй заход этой реформы, по переделке фундамента отечественных норм безопасности в формат периферийных услуг. На первом этапе с помощью прямых иностранных инвестиций на значительную глубину демонтировали отечественную систему стандартизации — расчленили и утратили свои системные свойства многие отечественные ГОСТы (в них безопасность и качество были во взаимодополняющем симбиозе), ликвидирован Госстандарт, ответственный за актуализацию и исполнение ГОСТов. Теперь реформаторы уже на средства российских компаний, претендующих стать транснациональными, осуществляют разгосударствление госнадзора (сокращаются функции и ответственность) и даже отрицают более фундаментальные, чем ГОСТы, правила и требования безопасности.

Решение проблем в промышленной безопасности подменяется формированием беспромышленной

опасности — невиданного феномена для крупной индустриальной страны. Промышленный регресс определил досадную «отсталость» требований промышленной безопасности. Отстать при движении вспять — обычное дело для норм безопасности. Большой рыцарь и на турнир надевает сковывающий свободу панцирь безопасности, тогда остаются шансы уцелеть и выздороветь. Ограничительные нормы безопасности должны соответствовать состоянию охраняемого объекта. Сегодня отечественная промышленность больше похожа на заглухший двигатель, и для его запуска «старые» требования промышленной безопасности использовать все сложнее. Но в такой ситуации не нужны и даже вредны «новые» нормы, переписанные у благополучного соседа. Срочно требуются свои специальные знания о безопасности именно на период пуска, в каком-то смысле «временные» нормы.

4. Открытое заключение

Не будем пополнять ряды алармистов, в группировках «все пропало» и так тесно. Да, идут процессы регресса индустриальной России, но есть и «пассивное» сопротивление, и даже «активное» восстановление. Яркий пример последних — вынужденные изменения в государственном регулировании промышленной безопасности [7]. Трагический опыт крупных промышленных аварий вынудил взять под постоянный государственный надзор особо опасные производственные объекты, а для генерации «временных» норм наладить инструмент обоснования безопасности. Изменения в обеспечении промышленной безопасности следовали за изменениями в российском промышленном производстве. О том, как это происходило в последние десятилетия, мы планируем рассказать в следующих статьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. — М.: Художественная литература, 1989
2. *Гражданкин А.И., Печеркин А.С., Сидоров В.И.* Заменит ли количественная оценка риска выполнение требований промышленной безопасности? // *Безопасность труда в промышленности.* 2012. №10. С. 43–48.
3. *Жулина С.А.* Отзыв на статью О.В. Николаенко, А.Н. Черноплекова, И.А. Заикина, А.С. Крюкова «Совершенствование основ и процессов проектирования, строительства и эксплуатации производств переработки нефти и газа, нефтехимии и газохимии через изменение в регулировании промышленной безопасности» // *Безопасность труда в промышленности.* 2012. № 4. С. 52–53.
4. *Печеркин А.С.* Тенденции применения количественной оценки риска пожара и аварии в российском законодательстве. Отказ от «рискованной» альтернативы // *Безопасность труда в промышленности.* 2012. № 12.
5. *Лисанов М.В., Ханин Е.В., Сумской С.И.* О регулировании промышленной безопасности по количественным критериям допустимого риска // *Безопасность труда в промышленности.* 2012. № 12.
6. *Гражданкин А.И., Печеркин А.С., Сидоров В.И.* Мнимый конфликт промышленной безопасности и технологической модернизации в российской нефтегазопереработке // *Безопасность труда в промышленности.* 2012. № 7. С. 85–92.
7. *Ферапонтов А.В., Яковлев Д.А., Кловач Е.В., Шалаев В.К.* Новые подходы к регулированию промышленной безопасности // *Безопасность труда в промышленности.* 2013. № 3.

About Risk of Freedom in Safety (What to modernize in Russia: interdictions of "safety" or permissions of "freedom"?)

K.B. Pulikovskiy, Ph.D. of Engineering, CJSC "Scientific and Technical Center of Industrial Safety", Moscow

A.I. Grazhdankin, Ph.D. of Engineering, CJSC "Scientific and Technical Center of Industrial Safety", Moscow

The ratio problem related to permissions and interdictions in safety regulation of complex social and technical systems on the example of industrial safety ensuring of dangerous production objects is considered. The counterefficiency of imitating loan of post-modernist western approaches for technosphere safety related to the not western countries is shown. Why and what domestic norms and rules of industrial safety "lagged behind" and how to organize their reduction in compliance with Russian industry condition? Possible long-term results of technical regulation reform on replacement of traditional safety requirements with post-industrial "risk management" are discussed. Safety is always conservative, but it is not an occasion of its denial when planning the country's safe post-industrial future. This understanding is gradually coming to the Russian society.

Keywords: safety, freedom and safety, safety regulation, technical regulations, safety's norms and requirements, risk, industrial accidents, safety in technosphere

Национальный рейтинг университетов России за 2012/2013 г. информационного агентства «Интерфакс»

В последнее время Правительство России уделяет повышенное внимание рейтингу российских вузов. Поставлена задача вхождения ведущих вузов в первую сотню ведущих мировых рейтингах. Журнал начал регулярную публикацию рейтинга мировых и зарубежных рейтинговых агентств со ссылками на соответствующие сайты. Опубликовано Международный рейтинг университетов 2012/13 г. — QS World University Rankings, Международный рейтинг научных организаций мира SIR (Scimago Institutions Ranking) за 2012 г. (№ 5, 2012 г.), рейтинг агентства «Эксперт РА» (№ 2, 2013 г). Каждый рейтинг базируется на своих методиках, которые во многом схожи.

Внимание читателей предлагается национальный рейтинг университетов ИА «Интерфакс».

Специальный проект ИА «Интерфакс» инициирован в 2009 г. при поддержке Министерства образования и науки РФ. Цель — разработка и апробация новых механиз-

мов независимой системы оценки российских вузов. Усиление роли национальных систем высшего образования, глобализация сферы высшего образования привели к необходимости изучения и сопоставления многосторонней деятельности высших учебных заведений.

Национальный рейтинг университетов собирает разносторонние данные о деятельности российских вузов, обрабатывает и осмысливает их. На основе обработки значительной части этих данных формируется ежегодный рейтинг классических и национальных исследовательских университетов страны по шести измерениям деятельности современных вузов: образование, исследование, социализация, интернационализация, бренд, инновации и предпринимательство.

Методология общественной оценки базируется на данных социологических и экспертных опросов.

Сводный рейтинг

Ранг	Наименование университета	Оценка
1	Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова	100
2	Санкт-Петербургский государственный университет	78
3	Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ	75
	Российский университет дружбы народов	72
4–6	Национальный исследовательский университет МФТИ	72
	Московский национальный исследовательский технический университет имени Н.Э. Баумана	72
7	Новосибирский национальный исследовательский государственный университет	68
8	Томский национальный исследовательский государственный университет	66
9	Томский национальный исследовательский политехнический университет	63
10–11	Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина	62
	Санкт-Петербургский национальный исследовательский политехнический университет	62
	Южный федеральный университет	61
12–14	Сибирский федеральный университет	61
	Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	61
15–16	Казанский (Приволжский) федеральный университет	60
	Казанский национальный исследовательский технологический университет	60

Более подробно с методикой рейтингов, частными рейтингами по различным аспектам деятельности вузов можно ознакомиться на сайте Национального рейтинга вузов (<http://www.univer-rating.ru>). Знание данных рейтинговых агентств поможет вузам в разработке стратегии и тактики своего развития, в улучшении отдельных аспек-

тов деятельности, направленной на повышение своего рейтинга.

Подготовлено Девисиловым В.А.
по материалам сайта Национального рейтинга университетов ИА «Интерфакс»